

Изяслав Винтерман

Галлюцинариум

Москва

«Воймега»

2017

УДК 821.161.1-1 Винтерман
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
В50

Дизайн серии: Сергей Труханов

И. Винтерман
В50 Галлюцинариум. — М.: Воймега, 2017. — 80 с.

ISBN 978-5-7640-0216-3

© И Винтерман, текст, 2017
© С. Труханов оформление, 2017
© «Воймега», 2017

Галлюцинариум

* * *

Пока ты пишешь, мир идёт ко дну.
Не забывай о месте и о мере
волшебных строк (не нужных никому)
в неповторимой авторской манере.

Пиши, пиши, зло не из этих уст,
но свет — из этих глаз и кровь из... носа.
Пусть выбор твой — нет выбора у чувств.
И жизнь родит, и время плодоносит.

Не замещай собою нас, живых.
Мы не за это все тебя любили —
а просто так... Свет в каплях дождевых —
хрустален, но полно песка и пыли.

И меры нет!.. И ты готов — ко дну,
слова спасая и словами — веру.
Вот-вот я прослежусь, комок сглотну
и твоему последую примеру.

* * *

Слушай, Чел*, прекрати уже гнать эту пыль.
Небо — старый цементный заводик.
Столько неб ещё!.. Сколько бы раз ни топил,
мы всплывали во всех твоих водах.
И под водку, наваристый дождь по стеклу,
и под света цементные крылья
(звук я не выношу) — пыль себе постелю
и накроюсь землёю, что рыл я.

* Челябинск.

* * *

И кем бы ты ни был для бога,
желая объятий да ласк,
ты мучим не больше любого,
и жизнь для всего удалась.

А приступы нового страха
не выдохнешь пламенем в куст.
И облака жжёного сахар
то сладок, то горек на вкус.

* * *

На опушке пустыни колеблется дом.
Пчёлы возятся с тенью цветочной.
Под ногами овалы и ромбы — плодом —
стороной подаются восточной.

Пренебречь стороной и уставиться вдаль.
То ли образа, то ли движенья,
то ли взгляда: «Ну, что там ещё увидал», —
ожидая углом отраженья.

* * *

Заливая все пазухи, все этажи,
изгибаясь в какой-нибудь форме,
солнце вплавлено в женщину —
мне с нею жить
и поддерживать линии в норме.

Так я не изогнусь, так я не поплыву.
И, сходя с каждой солнца ступени,
как с ума, — не захочется августу-льву
рвать на части меня постепенно,

собирать воедино фрагменты лица
обожжённые — это ли мука?
И на лицах зеркальная света пыльца
даже ярче сейчас почему-то.

* * *

Вот и тень твоя поправилась
аж на целых три кило.
Тень худая больше нравилась,
будто воздуха крыло,

что парит себе долинами
или горною грядой,
волосами тёмно-длинными
над лощиною родной;

резко вверх и вниз — упругую
грудью придавив огни.
И кормящую округлую
тень к земле сухой — нагни!

* * *

На бутылке водки пробка,
будто от зелёнки,
будто бескозырка Кольки
на высокой полке.

Пробка на бутылке водки
точно — от зелёнки,
точно бескозырка Вовки
на его Алёнке.

Сдёргивай её со чпоком,
пробку, лей по риску.
Пусть вся жизнь выходит боком —
никакого риску.

Не жалея себя, как Вовка,
Колька и Алёнка.
Лей по полной, пусть палёнка,
только поллитровка.

* * *

Тёплыми выходим из кровати —
и тела, и тени сплетены.
И горит твой рыжий златовратый
в кучерявой тьме моей стены.

...Жизнь берёт нас, чередуя в ритме
дико одинокие шумы
с тишиною. Днём — по тонкой бритве —
ходят все другие, но не мы.

Ночью из меня выходит нервный,
проклиная: «Баюшки-баю!..»
Деревянный щит и меч фанерный —
дай ему — и он падёт в бою.

Но сквозь сон — второй на гору лезет,
следующий я, что нелюдим.
Ты шепни ему: «Люблю!..» — В железе
чувств и слов твоих — непобедим!

Дальше без разбора и все разом!
Наши «мы», шумы, что сплетены.
Дай им волю, и логичный разум,
и... безумство светлой стороны.

* * *

Новый год — обрывается список мечтаний
на каком-то последнем из них —
незначительной мелочи: мячике Тани —
и откуда он только возник —

возвратился невинно забытой досадой,
абберацией детской игры,
где любовь и добро — просто яблоки сада,
восковые — для зимней поры!

...Мир под снега слоями лежит и не дышит,
все мечты повторяя за мной.
Брызнут искрами света крупницы ледышек —
то все вместе, а то вразнобой.

Осколки красных сосулек

1

Невозможного
шорох.
Капли
сухого дождя,

несуществующих
слов,
меня
самого.

Осколки —
разбитый
ёлочный шар —
на вате бессонницы —

блёстки
ангела,
домика,
красных сосулек.

2

Если весь свет этого снега
собрать в пучок,
в узел.

Подарить любому,
кто в темноте.
Он, распуская его,
сможет дожить
до любой весны
любого года.

3

В узких улочках дождь —
ножки в колготки.
Кто там?

Через голову кофточку.
В окна колотят
капли глазные.

4

У печенья был обычный цвет —
телесный,
повседневной суеты.
Я размачивал его,
скоблил языком и зубами
верхний съедобный слой
до внутреннего картона.
Слоники, собачки,
другие звери,
перфорированные мелкими
игольными дырочками,
сотни невидимых раз.

5

Бог беззвучен, мы — шумны!
Пузырьками — в пространство,
в синий воздух, в стальную воду,
в морозный настой на хвое.
Не возвращаясь из странствий.
Как неживое,
давшее жизнь живому.

Океан *by Fiona Apple*

Мой крик:
«Океан!»
Песок звучит...
Как песок, звучит
мой голос.
Океан полон —
только слушай
голос.

Крик его —
моя смерть!
В мятой воде,
водовороте.
Не оставляй меня,
если можешь ждать.
Только ждать
и можешь...

* * *

Облака — рыщут по небу псы!
Во все трубы — заводы, дома...
Жаль, что каменный псих
спрыгнул в реку без ведома
членов совета по благоустройству тоски.
Стынет белая кровь,
порошковая Лета — в глаза.
Каждой жилкой пульсирует небо,
и наэлектризованы все волоски...

* * *

Пишу тебе на перекрётках, на красный свет,
в те две минуты молчания перед рывком,
пред чёрт-те чем — до измельчания частиц.
И недвижимы яблоки глазные..
Вся яблоня..
И смотришь выпукло, но слепо.
...Подайте байкершу немолодому байкеру,
чтоб, сидя сзади, всю любовь ему дарила —
дьяволу дряблему.

* * *

Ночь — пузырьками на губах
взрывается во мне...

И сны — как кожа.

Сквозь десять снов не докричишься.
Сквозь пять... —
с мгновения,
когда закрыл глаза.

В двух первых — ты уже исчезла.

Сны — кожей сходят, нарастают...

Какая ждёт тебя награда? —
Строчки-веточки лунного винограда.

Эта ночь — сонная,
а эта — бессонная;
эта — солёная,
а эта — пшённая...

* * *

Под солнцем невозможно ярким
признаёшься почти во всём:
да, я испортил кофеварку,
и дом не ветром унесён;

и хаос в мире не случаен —
я выпустил на свет его.
Под невозможными лучами —
уже не важно ничего.

* * *

Снег растёт, как ворс на шапке.
Войлок мягкого окна
оплетает нас. Две шатких
тени прячутся. Одна —
не моя — и нитью светлой
вплетена во тьму угла.
А вторая — бьётся веткой,
голой болью — догола!..

* * *

В кустах рояль, подстрижены кусты
по контуру крыла, под крышкой — листья
безумной формы, умной красоты —
слепая радость для натуралиста.

* * *

Осколки осени повсюду,
цветного льда скользящий бзик.
Как монпансье от злой простуды,
кладу пять штучек под язык.

Холодный запах, едкий холод
щекочет ноздри, ест глаза.
И городок дождём проколот,
аптеки атакует за —

прозреньё в капсулах и в мазях.
...За ересь меньшую он жёг.
И пепел в водяных алмазах —
от вечной жизни порошок.

* * *

Забыв рассказанное тобой,
язык расколот на до и после,
сладость-боль, звук-перебой,
далеко-возле...

Ну, вспоминай, ищи!
Как целое — недостающие части,
дождь — свои капли, он здесь, учти,
выпадает часто.

* * *

Серый дым на голых ветках,
облака — дымы.
Ветер клочьями на веках —
веки подыми!

Не давай свои советы —
вспышками дугой.
Только холод нам и светит,
греет свет другой:

в бледных искрах, синим снегом —
нет такой зимы...
Разомкнув объятия с небом,
выпадем людьми.

* * *

Прожигая пространство глаголом —
междометия вся его суть! —
выбегаю на палубу голым,
но за время в пути не спасут.

Море строит гримасы по ветру,
подставляя тяжёлый свой зад.
И легко объяснить геометру
расстоянье вперёд и назад;

что на волнах начертано камнем,
а на камне — волной и песком.
И протянется божья рука мне
щёлкнуть по носу лёгким перстом.

* * *

Ветер кусает поверхность воды.
Волны-барашки —
стадом на свет растворённой звезды,
пусть и вчерашний.

Мощная жертва далёкой звезде.
Что она видит? —
Волны доходят до края везде,
дальше — не выйдут...

* * *

Ждут сирены: ты упадёшь с кормы.
И волна крутанёт кишки,
небу выколет глаз, и потом корми
рыб и птиц или ракушки.

* * *

И прошлого будет мне жалко,
людей непонятно-чужих.
Горячих — как будто им жарко
в прощальных объятьях моих.

Холодных таких — что не верю
в огонь — как его передашь?
Уеду зимой на Ривьеру,
но всё-таки: «Искренне ваш...»

* * *

Ночь рассыпáлась, точно прах, —
на раз и... два —
в твоих раздвинутых ногах —
придя едва.

* * *

Я, к сожалению, не помню
тех нежных строк, что губ и глаз
коснулись. Дождик неуёмный
сам вздрагивал, но окна тряс.

Словами тёмными дышали,
но каждый сам в себе погряз
и объяснял как бы из дали,
как всё устроено для нас.

* * *

Мы таем друг на друге! На огонь —
огонь, а утром выпадет два снега.
Но ты — не ты ещё, и я — не он.
Мы только приближаемся, как небо,
не приближаясь, но — взлетай, лети!
Мы трижды далеко, бесчётно близко.
Любовь ещё не знает: ты ли ты
и я ли я — но как же небо низко.

* * *

Губы её — чтобы их целовать,
вслушиваясь в их шёпот,
лиственный шорох... Стал гул прибывать,
свет — ставить опыт.

Надо идти и цветы ей нести,
яблоки звонкие первые.
...Лиственный шёпот... пока он не стих
и поцелуи не прерваны.

...Если вернуться и снова начать,
если вернуться вторично —
мир подо мной начинает качать:
«День сотвори, сотвори ночь!»

* * *

Свет, царапающий, как ноготь
по стеклу. Ту часть
позапрошлого, но больного —
перестань включать,

стук по крышкам... Слушая эхо улиц,
где мы врозь и вглубь...
Где от поцелуя — не мы проснулись —
ядовитых губ...

Ты не рядом — ядом! —
разъедающим... Я к нему привык.
И люблю вслепую. Пока ты рядом,
дотянись до «выкл.»!

* * *

И вот — напрасное прекрасно,
ненужное — всего нужней.
Я об одном, хотя и разном,
вернее, я всегда о ней.

Не называй её, не надо:
угадывая имена,
ты нарушаешь стройность ада,
куда отправила меня.

Она — то нить воды проточной,
а то — над пропастью канат...
Из круга выйдет непорочной,
чтоб и спасти, и доконать.

* * *

Слова тикают — не идут,
нацелены стрелки —
вызывающе, и дух —
хочет перестрелки.

Остывания — штрих-пунктир!
Снега — мир-дружба!
Слова тикают на весь мир —
бело-безо-ружно.

* * *

Кто там с горочки катился —
ой, и кажется — упал!
День в глазах его светился,
точно море среди пальм.

Кто лежит глазами к морю,
а не носом в рыхлый снег
и высматривает нору,
чтобы спрятаться от всех!

* * *

Я твой диггер, ты — мой свет.
В жёлтой внутренности ночи —
тёмной страстью одиночки —
и фонариком согрет.

Бросишь в темноту кольцо —
заблестит кусок дороги.
Тени кротки, длинноноги,
заиграются в серсо.

* * *

Герой с канистрою бензина.
Сжигает за собой мосты
и поджигает море сине,
но всех следов не замести.

И отплывает, как на льдине,
страна любви, где жил один.
Не отличая лиц от линий
растаявших почти что льдин,

он машет, волю дав порывам,
слезам и прочей ерунде...
Но горячо летучим рыбам
в незагоревшейся воде.

Школа СОМКНУТЫХ ГЛАЗ

* * *

В четвёртой жизни мы пересеклись.
Я радостно воскликну: «Наконец-то!»
День затяжной и ночи ржавый клипс,
но утро возвращает всё на место.
И кажется опять: что жить легко
и силы есть любить и не сдаваться.
Но только бы нас к краю не влекло,
но всюду край, и трудно не сорваться...
И возвращаясь с тёмной стороны —
в какой бы жизни кто из нас ни ожил, —
мы из песка любви сотворены,
и бог его рассыпал и умножил...

...Какую бы энергию ни взял —
боль самую большую без просвета.
И захватил бы оперу, вокзал,
гидрометцентр, площадь горсовета —
любовь спасёт! — откачивая тьму
из лёгких и тяжёлых снов прощенья...
И возвратишься только потому,
что выбрала тебя для возвращенья.

* * *

Кто не спит и втайне входит в ночь,
бродит бесконечным коридором,
пѣт с утра снотворное — не прочь
не идти, проспав свой час, в котором

узнаёт, где узкой дверью в смерть
время приоткрыто на минуту.
Бойся, бойся. Страх, чтобы не сметь
думать, что там дальше, сны не спутать.

* * *

Мои стороны — все! — ты прими!
Все... и — тёмные!
Многотомные
пятна ложатся на Лету:
растекается кровь, или нефть,
или что там в меню?..
Жизнь и смерть? Или — нет?!
Что любви я вменю?

И скупой аналитик
распрявляет блуждающий взгляд:
а налить, всем налить им —
слишком трезвые злят!
Я анфас или в профиль? —
Левой я стороною стою
к той, чей час со мной пробил
и любовь забирает свою.

* * *

Проверят зрение и слух,
затем объявят цену
за ужин, сломанный каблук
и за немую сцену;

не притворишься, глух и слеп,
таким невинным змеем —
за страсть, которая как хлеб
и ею мир засеет.

И вдаль и вверх, и вверх — как вдаль.
И надо быть всё легче,
выбрасывая то, что жаль,
и расправляя плечи.

Иначе — вниз, не вдаль и вниз,
а вниз — порывом резким.
И день землист, и путь кремнист,
и попрощаться не с кем.

* * *

Приближается он или пятится? —
Но блестит его кожаный плащ.
Без оружия он — значит, пятница,
только в пятницу — без, ты не плачь —

будет белка тебе, и пряник,
и свисток, подожди среды...
Он звездой взойдёт и воспрянет,
даже сердце услышишь в груди —

не одно там, а сколько надо...
Будь смелее, не мелочись.
Два — за взятие круга ада,
два — за то, что остался чист...

Всё по-крупному здесь, подруга,
там ещё есть и пять, и шесть.
За безумную гордость юга
и за севера злую честь,

за безумие запада, к счастью!
И за кровью омытый восток!
...Ты иди разбирайся с матчастью:
плащ, оружие, белка, свисток.

* * *

Ты на задании: «Преодолей себя!» —
Женщину полюби такую любовью,
чтобы судьба, чтобы судьбы судья —
принял, не сомневаясь, по образу и подобию...

И — перейди в любви на свободный стих,
если рифмованный стынет в плену созвучий.
Будь с перелётными птицами — в перистых
и кучевых — самую светлой тучей...

* * *

Упорствуя в своей неправоте
и сравнивая то, что несравнимо,
я слушаю ревниво и ранимо,
но — полно — нет доверия воде!
Так неуравновешенна она
весною ранней, в снеге грязно-сером,
очистив ноги всех идущих сквером —
сто тысяч ног, — да здравствует весна!
И холодом не дышат в спину мне
аллеи в эстафете, тени ёлок,
мой друг, моя жена и мой психолог... —
ни мягче не хочу быть, ни умней.

* * *

Мне бы время вернуть в пейзаж,
в поле, где случится битва;
мне бы место (меняется всякий раз),
точное и по нему молитва...
Но только ужас, ни теней, ни черт,
ни конца ни края, ни точек круга.
На автопортрете моём — о чёрт! —
лица не видно, зато два юга... —
один холодный, другой — ещё холодней.
И снег не местный и тает, чужбиной выслан,
в ладонях холмов. И растёрта, ещё бледней,
бывшей луной — душа без любви и смысла.

* * *

В Европе снег, но влажно и тепло.
Власть не меняет сути слёз и жалоб.
Но радуйся — по-прежнему неплохо жить, но коротко, на жалость.

И даже осень, странная на вид,
от моря до тайги — сто раз иная:
то мучает отсутствием любви,
а то с избытком дарит, как родная.

То каплями, сдавая образец
(дал голубь ей неверную наводку),
то — из ведра как, празднуя конец
мучений, перейдя с воды на водку.

И всё ж неплохо... Средне?! — Пусть и так!
Мы выживем, не будет место пусто.
...С последним богом отсырел контакт,
но мы его удержим, не отпустим.

* * *

— Когда вы потеряли с первым богом
связь, помните, кого прислали вам?
(Мы в темноте, он спросит нас о многом.)

— Не помню, не скажу, не верь словам.

— Кто выходил на связь с тобой, уродом?
*(А я один из них, один из вас,
один из тех, кто был одним народом.)*

— Кончай его, не стоит с ним вась-вась.

* * *

Зима! Душе тепло, а тело мёрзнет.
Всё хрупко и ломается легко.
Зуб на зуб, точно азбукою морзе —
три длинных, три коротких... — кто кого...

Сломать легко... И с верой, и без веры
за то — что он другой и он — не ты.
Зима — уже глубокие замеры
безумия и яркой темноты.

* * *

То на ресницах свет, то на ступенях.
И разливается... и — через край.
Я в этом солнце, и в мыле, и в пенах...
Не стоит печали ни ад и ни рай.

Здесь солнца как снега, по грудь или выше,
в каком-то недавнем забытом вчера.
А я лишь Пьеро с полной пригоршней вишен:
испачкался весь, хоть не съел ни черта.

Я образ печальный, мне солнце некстати
и свет не к лицу, но течёт по лицу,
по мрамору неба, по линии ската,
по морю, когда я над ним полечу.

* * *

Ещё не осень, просто первый лист
готов к прыжку. Он первый — значит, можно
лететь, не усложняя... День смолист,
и облака — небесная таможня.

Ещё не дождь, но капель шепоток
я различаю в злых порывах пыли
набиться в рот, в глаза, вплестись в поток,
подкрасться тенью острою от шпиля...

Ещё сильнее город близорук:
тень птицы чётче видима, чем птица.
И боль любви сильнее из первых рук —
но бога нет! — болит его крупица...

* * *

Это ты заблестевшею пылью поёшь,
это ты — мой кошмар, а не сон.
...Я услышал по отзвуку — ложному сплошь,
но подпел тебе выше на тон,

чтобы не было больно и страшно от слов,
не гудело так гулко во мне.
Притянув ближе тёмные лица углов,
мы окажемся выше и вне...

* * *

В шары новогодние съёжятся лица.
Жизнь расколется в воздухе минусовом.
Ледяною рельсой — СМС-зегзица:
«Мороз с головой в мешке и горящим словом
о мире-войне, о граде царя Давида...»
В тело втекает душа сладковатой струйкой —
и липнет оно к нежизнестойким видам
с тонкой настройкой.
Ими владеют страхи — мороз по коже...
Куполом белым снег уснёт на ротонде.
Склеются души, владея друг другом похоже,
и вознесутся — видишь! — они уже вон где...

* * *

На лепестках ресниц заблестит роса.
Капли ночного солнца, вспыхнув, погаснут.
Слышала голос? — Это была гроза...
И ощущала губы? — Это опасно...

Был ли это туман, взявший в кольцо тела, —
как он стелился здесь, чтоб вознести внезапно
впадины переулков и купола тепла,
силу желаний... всё, что случится завтра.

* * *

Снег медленно тает, как будто с горы
спускается плавно, враскачку,
в рифмованном ритме езды и игры
под белого света горячку.

Я так же манерно врываю сюда,
где ветви сплетаются в шлюпку.
И спущены на воду, будто суда,
деревья — свистать мою любку!

Как солнцем по снегу, ложатся мазки —
и всё отступает за время..
Быстрее, быстрее, и не тормози,
скользи ещё вместе со всеми.

* * *

Я ещё хочу прожить концовку.
Пусть не вся — полночи впереди!
Ждать тебя, идти на остановку,
обходить торговые ряды.

...Где же ты? — Идти как будто мимо,
не смотреть назад, по сторонам.
Если что-то в жизни объяснимо —
то не мне, тем более — не нам...

* * *

Неба невесомая рука
щупает мои слова и мысли,
чувства наизнанку... Все мы вышли
не из ночи — из черновика.

На века наложены пласты,
точно бинт, сплошных несочетаний.
Первый ясный день без очертаний —
снятся только белые листы.

Нет вначале слова, нет в конце.
И не вспомню, даже зная слово.
Время обнажает, и условно —
голым сплю, но с тенью на лице.

* * *

Помнишь свой первый страх,
свою смерть?
Уцелел на своих днепрах,
на своих днестрах! —
широка дверь, как степь.

Ты боишься этих полей и рек.
На ресницах солнечный цирк,
время в солёных каплях.
На воде — день слоёный окреп.
Ветер в листьях дряблых.

Смерти ты ощутишь огонь!
Направляя вечный огонь ногами —
между нами, спаянными дождями, —
расплавляя связь... Но подуёшь легонь-
ко — и полетит рядом, над и под нами...

* * *

Не оставляя сил на обратный путь,
как в последний раз расправляя крылья
над страной, над землёй, надо всем, что тут
бьётся со мною, с собою... я добавляю: жил я!

Горел! ...Без любви — рассыпается в прах
жизнь, имевшая вкус твоих губ до дна поцелуя,
круг размыкает и гнёт на железных магнитных ветрах,
меня искривляя. Каштан наклонился и туя.

Кончаюсь... Лишь ты остаёшься чертой.
Лодочкой юркой на волнах небесного Нила.
Я ничего не свершаю, чтоб выйти, смешав предначертанный строй,
чёртов порядок вещей или слов — вечной музыкой душ или той
подзабытою песней, которой так близко меня подманила...

* * *

Нас приютили, но выгнали всех поутру —
к чёртовой матери... где эта вечная мать?!
Мы — по отцу, как по ветру сухому, — Петру.
И не умом и ничем... ни к чему понимать.

Надо бы стрельнуть сигарку, да лень, пацаны.
Надо бы выкушать водки, в берлоге залечь.
Водка прольётся на землю, и нет нам цены.
Только залеченной болью и можем завлечь.

Лучше цветы на могилу, а женщин — другим.
Все эти хладные леди из камня куска.
Слушаю: сердце стучит в камне, курится дым.
Белая крошка речного песка —

сука-зима, и по всем направлениям — лёд:
курском, смоленском и южном до самых границ.
Все мы застряли, и нас распылит самолёт,
пепел неся высоко — глубже душ, дальше лиц.

* * *

Проходя мимо зеркала,
буркнуть: жирпром! —
и куда-нибудь дальше катиться
на своих на двоих,
шаркнув тапком, пером,
потрепав кису походя: мол, пора окотиться.

Начиная с претензий к себе,
а закончив — ко всем,
дорасту до судьбы: «Нет, не я виноват
в этой пасмурной жути,
в этой плоской качающей жизни —
с живота на живот...»
Вверх ногами уже повисел...
Время в теле трещит —
только дай ему биться,
все только и ждут и... и ждут и...

Я здесь не виноват, я любил и люблю!
Нападая любовью на пеших,
замученных в круге.
Но как же я злю их, как злю...
Боже, только пошли им свой свет
через бреши и плечи.
Дорожкой своей над травой.
Прямо в сердце пошли
и открой им, что ты или кто,
даже я — тоже послан тобою.

* * *

Слова изменяют мир, моё имя — эхо,
звук вторичный, воздушный откат.
Время едет в места, куда б не поехал
ни за деньгами, ни просто так.

Любит — не любит, а стонет на нужной ноте,
жаль, стонет не в тех местах.
А в сторону вымолвишь: вот те
и Юрьев день, доволен? — А что не так...

А дальше — до алой буквы, шестого знака,
а дальше — никто не едет и больно всем.
И тенью слов проникаешь сквозь толщу мрака
в другие жизни, оставшись в них насовсем.

* * *

Будь готов вернуться, пока не хуже —
там, где нас не ждут, —
в темноту, которая стала уже
(остаёмся тут);
в радость, которую знать не знаешь
(между быть иль не...),
знать не хочешь, и ускользаешь,
оставляя себя такого мне.

* * *

Важна только буква.

Важны только буквы, всё дело в них.
Не было слов в чередовании лунок.
Неверно подобранный код кровяных
телец, колец нибелунгов и нибелунок.

Не лей по мне слёз —
я продолжаю жить, быть.
Что происходит — всё не всерьёз,
лишь только перестаёт знобить...
Не лей... — я живею живых,
и слёз не стою, и сил не стою.
Как будто был прежде — ветвей твоих
натянутой плотно корою, листвою.

* * *

Выпьешь! Добавишь ещё — не то что тротиться
начнёт — четвериться!
Ячейка для нас — пять минимум... около этого.
Шесть? — Надо глубже в себе порыться.
Семь — число стратегическое, глубже я б не советовал...
Семь — оно детородный орган —
отмеришь, обрежешь — бессовестно и неточно.
И предан, оболган стоишь, издёрган
от вечной борьбы с человеком (тошно).

* * *

Для дела нам нужен надёжный мужик,
привитый культурой и спортом.
Хотя уже стар, отвечает: «Ну, жив», —
такой борозду не испортит.
И дождь заплюёт его, слабую грудь —
взорвёт его — гроздьями гнева.
Но в сопровождении облачных груд
уводит дорогу налево.
Ты не обижай его, не унижай,
участника игр доброй воли.
А если бы нужен нам был урожай...
Родная, стань ближе, ляг возле!..

* * *

Нам вечной жизни и не надо,
мы отказались от неё,
летя по кругу, взяли на дом
задание любить её!

И боги знали, и в подкорке
остерегал оракул нас.
И моря вкус солёно-горький,
и небо из седого льна.

* * *

Мать городов — отцу — телеграмму: «Вот что —
связаны мы и неслучайно, и прочно!..»
Из спальни в спальню идя, как за свежей почтой,
в другую реальность по делу, срочно.

А в ней — знакомые лица, коньяк из чашки,
на каждой стене портрет и ружьё из Тулы.
А мне бы по делу (такие здесь все милашки),
а мне бы срочно — в город другой, сутулый

от мокрого снега, от вымерзших ночью склонов...
Ползу и цепляюсь — последней ко всем мольбою —
за время, сухими листьями лип и клёнов,
за землю — поля любви и боя, любви или боя...

* * *

Давай вернёмся, дальше не пойдём,
заляжем в прошлом нашем —
там не то чтоб дом —
но свет живёт в квадратиках пятнашек..

И свету холодно, но холоду светло.
На холодок пойдём, глазок фиалки.
На кольцевую нас бы привело,
где небо невысокое в асфальте.

* * *

Я женщину у бога попросил —
согреть себя и спереди и сзади,
утихомирить боль, добавить сил —
по глупости своей... Но смысла ради —

и свет внутри включают и яркий снег —
снаружи. И слова перед рождением
на чистый лист улягутся след в след
всех четырёх, рассчитанным движеньем,

бесшумных лап. Как эмбрион, в комок
свернувшись, как волчок блестя глазами,
лежу один, и кто бы мне помог
остановить вращение... Я замер,

слегка заснул и — полон рот стекла,
росой холодной склеены ресницы.
...А ты легко бы это пресекла,
я попрошу ещё тебе присниться.

* * *

Вы по-настоящему это, на полном серьёзе
или меня разыграть решили?

Вышел бугаев (андрей? нет, кажись, сережа,
в общем — борис), всё запутано так или

не имело значенья: кто счастлив, а кто не годен
ни к общему делу, ни... — поэт в чистом виде,

рафинад такой себе в среде многочисленных родин,
и один язык родной ему, но им ненавидим.

* * *

Жизнь близко, но ещё не здесь!
Уже не здесь?! — Не столь и важно.
И небо сыплется, как смесь
дождя и солнца. Время — влажно,

слезой магической висит
на самом острие иголки
застывшей в спячке, как весы
в коротком равновесье, ёлки!

Ей просыпаться не черёд —
ещё два месяца с неделей.
Жизнь посылает всех вперёд,
чтоб задержаться. Что ни делай —

не к лучшему, но... задержись
и с нею потопчись в прихожей.
И жизнь не здесь, а здесь — не жизнь,
но так похожа, так похожа.

* * *

Свет возвращается ко мне...

Я опять увидел этот свет
от деревьев, от чего-то свыше.
Просто он струился и сквозь вет-
ви виден был, казалось — даже слышен.

Возвращая жизнь в бесчётный раз,
соскребая темноту с картинки,
мартовскую смазывая грязь
кремом на четыре четвертинки,

чёрным краем, тьмой усилив блеск,
купиной, кустом неопалимым,
он скользил ко мне, как будто бес-
крайний мир и стал его любимым.

Содержание

Галлюцинарум

«Пока ты пишешь, мир идёт ко дну...»	5
«Слушай, Чел, прекрати уже гнать эту пыль...»	6
«И кем бы ты ни был для бога...»	7
«На опушке пустыни колеблется дом...»	8
«Заливая все пазухи, все этажи...»	9
«Вот и тень твоя поправилась...»	10
«На бутылке водки пробка...»	11
«Тёплыми выходим из кровати...»	12
«Новый год — обрывается список мечтаний...»	13
Осколки красных сосулук	14
Осеап	17
«Облака — рыщут по небу псы...»	18
«Пишу тебе на перекрёстках...»	19
«Ночь — пузырьками на губах...»	20
«Под солнцем невозможно ярким...»	21
«Снег растёт, как ворс на шапке...»	22
«В кустах рояль, подстрижены кусты...»	23
«Осколки осени повсюду...»	24
«Забыв рассказанное тобой...»	25
«Серый дым на голых ветках...»	26
«Прожигая пространство глаголом...»	27
«Ветер кусает поверхность воды...»	28
«Ждут сирены: ты упадёшь с кормы...»	29
«И прошлого будет мне жалко...»	30
«Ночь рассыпалась, точно прах...»	31
«Я, к сожалению, не помню...»	32
«Мы таем друг на друге! На огонь...»	33
«Губы её — чтобы их целовать...»	34
«Свет, царапающий, как ноготь...»	35
«И вот — напрасное прекрасно...»	36
«Слова тикают — не идут...»	37
«Кто там с горочки катился...»	38
«Я твой диггер, ты — мой свет...»	39
«Герой с канистрою бензина...»	40

Школа сомкнутых глаз

«В четвёртой жизни мы пересеклись...»	43
«Кто не спит и втайне входит в ночь...»	44
«Мои стороны — все! — ты прими!...»	45
«Проверят зрение и слух...»	46
«Приближается он или пятится?..»	47
«Ты на задании: “Преодолей себя!”...»	48
«Упорствуя в своей неправоте...»	49
«Мне бы время вернуть в пейзаж...»	50
«В Европе снег, но влажно и тепло...»	51
«Когда вы потеряли с первым богом...»	52
«Зима! Душе тепло, а тело мёрзнет...»	53
«То на ресницах свет, то на ступенях...»	54
«Ещё не осень, просто первый лист...»	55
«Это ты заблестевшею пылью поёшь...»	56
«В шары новогодние съёжятся лица...»	57
«На лепестках ресниц заблестит роса...»	58
«Снег медленно тает, как будто с горы...»	59
«Я ещё хочу прожить концовку...»	60
«Неба невесомая рука...»	61
«Помнишь свой первый страх...»	62
«Не оставляя сил на обратный путь...»	63
«Нас приютили, но выгнали всех поутру...»	64
«Проходя мимо зеркала...»	65
«Слова изменяют мир, моё имя — эхо...»	66
«Будь готов вернуться, пока не хуже...»	67
«Важны только буквы, всё дело в них...»	68
«Выпьешь! Добавишь ещё — не то что троиться...»	69
«Для дела нам нужен надёжный мужик...»	70
«Нам вечной жизни и не надо...»	71
«Мать городов — отцу — телеграмму...»	72
«Давай вернёмся, дальше не пойдём...»	73
«Я женщину у бога попросил...»	74
«Вы по-настоящему это, на полном серьёзе...»	75
«Жизнь близко, но ещё не здесь!..»	76
«Я опять увидел этот свет...»	77

Изяслав Винтерман. Галлюцинариум

редактор:
А. Переверзин

корректор, технический редактор:
О. Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 9.10.2017
Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 5
Тираж 500 экз.